

По поводу статьи свящ. Дим. Силина: „къ вопросу объ оживленіи церковно-общественной дѣятельности“ (Бог. В. Сент. и окт.).

Авторъ означенной статьи иногда скептически, иногда и прямо отрицательно относится къ проектируемой въ настоящее время реформѣ церковно—приходской жизни. Но это происходитъ не потому, что онъ защищаетъ старые порядки и боится переменъ, а потому, что по его мнѣнію вообще всякіе порядки не имѣютъ самостоятельнаго значенія и ничего хорошаго создать не могутъ. Такимъ образомъ автора никакъ нельзя назвать консерваторомъ и реакціонеромъ, какимъ представила его одна петербургская газета. Онъ скорѣе радикаль, жаждущій глубокихъ реформъ (стр. 346), желающій пересоздать всю церковную жизнь до самыхъ корней. Однако если не основною его идеею, то выводами изъ нея легко могутъ воспользоваться и защитники старыхъ церковныхъ порядковъ. Не такъ давно наши духовные проповѣдники неосторожно ухватились за мысль Л. Толстого о бесполезности государственной реформы, совершенно упустивъ изъ виду, откуда явилась эта мысль и куда приводила она. Съ цѣлью предупредить подобное употребленіе статьи свящ. Силина мы считаемъ своею обязанностью сдѣлать относительно ея нѣсколько замѣчаній ¹⁾, начавъ съ той мысли автора, въ которой лежитъ по нашему мнѣнію *πρώτον ψεύδος* всѣхъ его прочихъ одностороннихъ сужденій.

Авторъ утверждаетъ, что проектируемая организациа прихода сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія для оживленія приходской и вообще церковной дѣятельности. Хотятъ

---

¹⁾ Мы не могли сдѣлать ихъ своевременно, такъ какъ до октября были заняты срочной обязательной работой

оживить, говоритъ онъ, духъ солидарности, любви и милосердія. Этотъ духъ, когда дѣйствительно оживаетъ, неудержимо проявляется въ соответствующихъ дѣлахъ и создаетъ безчисленныя, но всегда оригинальныя, разнообразныя и живыя формы своей жизни. Проектъ начинается не съ этого духа, а съ организаціи дѣлъ, которыя считаются внѣшнимъ выраженіемъ его. Поэтому всякій скажетъ, что если начинать не съ духа, а съ внѣшней организаціи, то это будетъ именно убійствомъ духа, какъ всякое насильственное участіе въ формации живой среды, какъ насильственное развитіе цвѣтка (стр. 340). Расширенію нашихъ правъ, повторяетъ авторъ слова Рачинскаго, по крайнему моему разумѣнію, долженъ бы предшествовать дружный приступъ къ исполненію нашихъ обязанностей. Все ли сдѣлано въ нашихъ приходахъ, что возможно при настоящихъ условіяхъ? Сдѣлано ли хоть что-нибудь? Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указали бы на необходимость для нея бѣльшаго простора? Никакая организація не можетъ создать организма, не можетъ создать жизни. А всякая жизненная дѣятельность неминуемо создаетъ органы, ей свойственныя, ей необходимыя. Будемъ же хлопотать о первомъ, а второе приложится намъ. Всякая общественная дѣятельность слагается изъ личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга. За отсутствіемъ этихъ личныхъ свободныхъ починовъ, всякая организація является усыпляющею ложью или мертвящимъ насиліемъ (стр. 174). Возрожденіе духа, совѣсти, перерожденіе сердца вѣрою— вотъ сущность и цѣль церковной жизни. Изъ этого корня вырастутъ и соответствующія вѣтви и листья—внѣшніе органы (стр. 344). Итакъ надо создавать духъ. Организація явится потомъ, какъ естественное слѣдствіе. Начинать съ организаціи не только не полезно, но и вредно, такъ какъ она убиваетъ духъ. Вотъ основная мысль автора.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ многовѣковымъ предрасудкомъ, родившимся едва ли не въ Греціи и давно уже осужденнымъ и жизнью, и исторіей. Теперь онъ звучитъ, какъ простой анахронизмъ, какъ безсодержательная фраза. Жизнь настолько часто говоритъ противъ него, что даже люди, по видимому раздѣляющіе этотъ предрасудокъ, не могутъ долгое время оставаться вѣрными ему. Мы часто слышимъ

проповѣдниковъ моралистовъ, призывающихъ людей къ внутреннему самоусовершенствованію и объявляющихъ внѣшнее переустройство жизни ненужнымъ. Но эти же проповѣдники настойчиво рекомендуютъ намъ держаться опредѣленныхъ порядковъ, не замѣчая того, что строгая послѣдовательность должна была бы приводить ихъ къ полному отрицанію необходимости какихъ либо опредѣленныхъ формъ жизни, т. е. къ полной анархіи. Не долго выдержалъ свою точку зрѣнія и нашъ авторъ. Въ концѣ своей статьи онъ прямо заявляетъ: „нужно освободить изъ подъ спуда живой духъ церкви, разбивъ то, что связываетъ и угашаетъ его... Нѣтъ ли у насъ порядковъ, устраняющихъ отъ общецерковнаго вліянія людей духа? Нѣтъ ли у насъ условій, убивающихъ въ самомъ источникѣ вдохновеніе и пророка?“ (стр. 346). „Нужны въ нѣкоторомъ смыслѣ новыя откровенія, новое полное огня и разума слово вѣры—единой, вѣчно юной, всегда себѣ равной, Христовой... А для развитія этого слова и въ школахъ духовной, и въ литературѣ, и въ жизни современной—мало благоприятныхъ условій“ (стр. 347). Итакъ самъ авторъ сознается, что организація не есть только естественное выраженіе духовной жизни, но и одно изъ условій ея, могущихъ дать просторъ дѣятельности духа или убить ее. Онъ конечно не можетъ не видѣть, какими крѣпкими стѣнами опутана въ настоящее время духовная дѣятельность каждаго члена церкви и даже представителей ея, насколько зависимъ прихожанинъ отъ священника, священникъ отъ благочиннаго, оба они отъ епископа, епископъ отъ синода, синодъ отъ оберъ-прокурора и наконецъ вся наша церковь отъ государства. Бываютъ могучіе духомъ люди, люди—герои, для которыхъ не существуетъ давящей силы организаціи. Они побѣждаютъ всѣ условія, ломаютъ всѣ порядки и начинаютъ собою новую эру въ исторіи человѣчества. Но обыкновенные смертные безсильны освободиться отъ гнетущаго дѣйствія внѣшнихъ порядковъ и условій и лучшіе задатки ихъ природы, ихъ личныя усилія и свободные починны“ часто гибнутъ, какъ нѣжныя растенія, лишеныя свѣта и тепла. Но этого мало. Всякая организація не только стѣсняетъ или даетъ просторъ дѣятельности духа, какъ какая то внѣ его стоящая стѣна, но и положительнымъ образомъ вліяетъ на ходъ духовной

жизни, опредѣляя ея направленіе и содержаніе. Давая новыя права, налагая новыя обязанности, она будитъ новыя потребности, порождаетъ новыя запросы, толкаетъ на новую внутреннюю работу, однимъ словомъ, перевоспитываетъ человѣка. Доказательствами этого полна не только исторія, но и окружающая насъ жизнь. Только человѣкъ совершенно закрывшій глаза на то, что совершается теперь кругомъ, можетъ не видѣть того, какъ съ каждымъ часомъ растетъ политическое и церковное сознаніе, благодаря открывшейся свободы. Люди, которые еще вчера ни о чемъ не думали кромѣ того, что касается ихъ лично, нынѣ со всѣмъ жаромъ обсуждаютъ вопросы политическаго и церковнаго переустройства. Наши сельскіе священники, которые всѣмъ казались забытыми, безнадежно уснувшими, съ разрѣшенія епархіальной власти заговорили на своихъ сѣздахъ такимъ мужественнымъ и сознательнымъ языкомъ, къ которому съ полнымъ уваженіемъ и даже удивленіемъ отнеслись слышавшіе ихъ профессора академіи. Конечно всѣ эти перемѣны въ организаціи создаетъ могучій духъ. Но съ другой стороны и сама организація, преобразовываетъ духовную жизнь, стѣсненную старыми порядками. Если герои добра создаютъ организацію, то обыкновенные люди—столько же произведеніе организаціи, сколько виновники ея. Духъ человѣческой настолько же есть создатель организаціи, насколько и созданіе ея. Организація—не только вѣтви и листья, но и дождь, и солнечное тепло для посѣянныхъ, но не взошедшихъ еще зеренъ.

О. Силинъ вмѣстѣ съ Рачинскимъ жалуется на недостатокъ духа. Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указали бы на необходимость для нея бѣльшаго простора, спрашиваютъ они. Жалоба неосновательная. Духъ человѣческой не можетъ угаснуть и замереть, и никто не знаетъ, какъ и гдѣ обнаружится его дыханіе. Движеніе духа можетъ быть сокрыто въ глубокихъ нѣдрахъ внутренней жизни, недоступныхъ для человѣческаго взора или принять направленіе, вышедшее изъ поля нашего зрѣнія. И о. Силинъ, и Рачинскій проглядѣли тотъ великій отливъ духовной мощи, который создалъ и до сихъ поръ создаетъ расколъ и сектантство. Самый точный историческій анализъ этихъ явленій русской церковной жизни оставляетъ внѣ

всякаго спора, что недостатки нашей церковной организаціи составляли одну изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ.

Какова же должна быть истинная организація прихода? Ея нѣтъ нужды придумывать. Она вытекаетъ изъ существа самого идеала церковной общины и должна строго соответствовать ему. Люди должны составлять собою, говорить авторъ, единое братство, служить другъ другу и всѣмъ съ вдохновеніемъ истинной, самоотверженной любви, жить въ полномъ единодушіи и единомысліи (стр. 174). Слишкомъ ясно, что любовь, единодушіе и братство невозможны тамъ, гдѣ одинъ повелѣваетъ другими, не спрашивая ихъ, гдѣ эти другіе обязаны слѣпо подчиняться одному, не имѣя права заявить о своихъ желаніяхъ. Слишкомъ очевидно, что всѣ прихожане могутъ имѣть одни желанія и общее дѣло только тогда, когда они свободно и активно будутъ участвовать во всѣхъ безъ исключенія сторонахъ церковной жизни, когда будетъ уважаться мнѣніе и желаніе каждаго, когда всякое приходское рѣшеніе будетъ дѣломъ общаго голоса прихода. Однимъ словомъ для христіанской общины, основанной на братствѣ и любви, возможна лишь одна организація, именно *соборная*. Только соборная организація открываетъ полный просторъ для личныхъ усилій и свободныхъ починовъ. Только по отношенію къ этой организаціи не имѣютъ ни малѣйшаго мѣста страхи о. Силина и Рачинскаго, что она можетъ умертвить духъ, убить вдохновеніе и пророка, помѣшать свободному развитію цвѣтка и т. д.

Соборность есть безусловно необходимый принципъ истинной церковной организаціи. Нельзя не удивляться, что свящ. Силинъ, говоря объ истинныхъ началахъ организаціи, не только не указалъ этого принципа, но повидимому не признаетъ его важнымъ и обязательнымъ. На одной изъ самыхъ неудачныхъ своихъ страницъ, возражая противъ выбора священника прихожанами, онъ говоритъ. „Дѣло не въ формѣ избранія, а въ нравственномъ достоинствѣ избираемаго. Ошибается отдѣльная личность, ошибается и масса. Теперь существуетъ ходъ выбора (или „отбора“), болѣе развитой и продолжительный, и еслибы онъ былъ всегда на высотѣ своей идеи, то лучшаго и не хотѣлось бы. Если человѣка съ малолѣтства воспитываютъ въ духѣ папства,.. если окончательное призваніе его Духомъ Святымъ (Дѣян. XIII,

2; XX, 28) объявляетъ носитель полноты Благодати—Епископъ (съ „соборомъ“ при немъ, что, дѣйствительно, нужно воскресить), то что худого въ этомъ порядкѣ, выросшемъ благодатно и исторически и способномъ къ усовершенствованію? Духъ Божій можетъ изъяснить свою волю о служителяхъ Своемъ и чрезъ голосъ народа, и чрезъ приговоръ школы, и чрезъ совѣсть Епископа, и чрезъ рѣшеніе собора. Все дѣло въ томъ, чтобы избираемый былъ дѣйствительно носителемъ Духа, и чтобы дѣйствительно Духъ Божій осѣнялъ и руководилъ и народъ, и школу, и епископа, и соборъ. Въ этомъ—сутъ, а не въ приходскомъ контрактѣ. Всѣ внѣшніе порядки имѣютъ и выгоды, и невыгоды“ (стр. 336). Въ этихъ словахъ авторъ почти ниспровергаетъ принципъ соборности. Ошибается одинъ, ошибается и масса. Духъ Святой можетъ дѣйствовать чрезъ соборъ, но можетъ и чрезъ совѣсть Епископа! Здѣсь уже слышится совершенно католическая тенденція. Послѣдовательно рассуждая, авторъ могъ бы придти къ мысли, что если Духъ Святой можетъ руководить и чрезъ цѣлый соборъ и чрезъ епископа, то, значитъ, епископъ можетъ замѣнить собою соборъ. Авторъ самъ почувствовалъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. Въ его сознаніи промелькнула мысль о необходимости соборности, но промелькнула, какъ одинокая сиротка, не знающая ни родныхъ, ни знакомыхъ и потому попавшая въ одиночное заключеніе (въ скобки). На самомъ дѣлѣ зачѣмъ потребовался автору „соборъ“ при епископѣ, если дѣло не въ формѣ (т. е. способахъ) избранія, а въ нравственномъ достоинствѣ избираемаго? А если нуженъ соборъ при епископѣ, то почему его не должно быть при священникѣ? Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, авторъ и здѣсь не выдерживаетъ своей точки зрѣнія до конца, не выдерживаетъ конечно потому, что сдѣлать этого невозможно. Туже невыдержанность автора мы находимъ и въ выраженной въ концѣ статьи мысли, составляющей повидимому послѣднюю цѣль автора. „Незадушенный голосъ общецерковнаго сознанія, говоритъ авторъ, не будетъ вполнѣ животворнымъ, если не будетъ органа, въ которомъ бы онъ окончательно и авторитетно формулировался и чрезъ который имѣлъ бы силу проходить въ жизнь и дѣло, а не оставаться только на устахъ или на бумагахъ, т. е. если не будетъ собора“ (стр. 346). Какъ помнитъ

читатель, авторъ утверждалъ, что духъ самъ собою всегда создаетъ нужные ему органы, и что поэтому нечего хлопотать о нихъ. Теперь же автору кажется необходимымъ для настоящаго времени такой органъ для формулированія и осуществленія въ жизни общецерковнаго сознанія. И этимъ органомъ можетъ быть только соборъ! Какъ все это вѣрно и въ тоже время какъ все это мало вяжется съ тѣмъ, что говорилось авторомъ ранѣе. Въ защиту избранія священника епископомъ авторъ говоритъ, что этотъ порядокъ выросъ *благодатно и исторически*. Странное оправданіе. Что епископамъ дается благодать посвященія, т. е. совершенія таинства, а отнюдь не избранія, т. е. безошибочнаго выбора, авторъ конечно хорошо знаетъ. А что касается историческаго происхожденія указаннаго порядка, то мало ли какія аномаліи создавались и создаются историческимъ путемъ.

Если могутъ быть оспариваемы детали проекта приходской общины, какой дается *Церковнымъ Вѣстникомъ*, то въ общихъ своихъ чертахъ, какъ построенный на принципѣ соборности, онъ внѣ всякаго спора и безусловно необходимъ для идеальной христіанской общины. Можно еще разсуждать о томъ, возможно ли полное его примѣненіе при условіяхъ современной жизни, но оспаривать его въ принципѣ—дѣло чистаго недоразумѣнія. Свое скептическое и по временамъ отрицательное отношеніе къ проектируемой приходской организаціи свящ. Силинъ оправдываетъ частью нецѣлесообразностью аналогичныхъ организацій въ существующихъ благотворительныхъ обществахъ и въ древнихъ приходскихъ общинахъ, частью положительными и принципиальными недостатками приходскаго проекта. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ или преувеличиваетъ значеніе отрицательныхъ доводовъ или несовсѣмъ правильно освѣщаетъ характеръ и цѣль проектируемой организаціи.

Авторъ представилъ яркую, очень вѣрную и весьма поучительную картину нашихъ благотворительныхъ обществъ и кружковъ, задача которыхъ, по его выраженію, большею частью „состоитъ въ томъ, чтобы при полномъ спокойствіи и безмятежности членовъ создать полезныя и громкія дѣла“. Но сопоставленіе этихъ обществъ и проектируемаго прихода обнаруживаетъ, что авторъ не понялъ всей глубины лежащей въ основѣ проекта идеи, идеи свободнаго и активнаго

участія каждого вѣрующаго во всѣхъ безъ исключенія сторонахъ духовной и внѣшней жизни общины въ цѣляхъ созданія полнаго единодушія и братства.

Нѣтъ сомнѣнія, что организація древняго прихода въ допетровской руси не представляла собою чего нибудь совершеннаго. Воображеніе всегда идеализируетъ прошлое, и факты исторіи съ очевидностью говорятъ въ пользу нашего автора. Тутъ повторяется таже ошибка, что и въ отношеніи патріаршества древней руси. Послѣднее часто представляется временемъ церковнаго самоуправленія и независимости церкви отъ государства. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказывается, и до Петра наша церковь стояла почти въ той же зависимости отъ государства, что и теперь. Однако во многомъ справедливое развѣнчиваніе старины такъ же мало говоритъ противъ проектируемой приходской организаціи, какъ и всякія несовершенства въ примѣненіи извѣстнаго принципа противъ вѣрности самого принципа. Осуществима ли и насколько осуществима реформа прихода при настоящихъ условіяхъ, объ этомъ мы будемъ говорить особо, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ приходскаго проекта по существу, авторъ замѣтно суживаетъ его задачи, представляя его иногда чуть не въ каррикатурномъ видѣ. „Центръ тяжести всего дѣла возстановленія прихода, говоритъ онъ, полагается здѣсь, кромѣ выбора духовенства, главнѣйшимъ образомъ въ веденіи приходомъ церковнаго хозяйства“, т. е. того, что по мнѣнію автора относится къ „низшей, пошлой, принижающей сторонѣ жизни“ (стр. 327. 330). Уступку пошлости проектъ возводитъ въ принципъ оживленія. Онъ требуетъ, чтобы дѣломъ, какого мало и для одного человека, завѣдывали *все* члены общины, образуя собою маленькій департаментъ финансовъ (стр. 330. 328).

При этомъ авторомъ высказываются странныя сужденія. „Если приходъ, говоритъ онъ, не довѣряетъ своему выборному старостѣ, лучшему въ приходѣ человѣку, если онъ не вѣритъ въ безусловную честность своего духовнаго отца, руководителя приходской совѣсти, то неужели отрадно будетъ, что *все* приходъ будетъ хозяйничать? Первое—это все равно едва-ли предохранитъ „суммы“ отъ „хищеній“; второе—прогрессъ и идеаль не только церковной, но и обще-

ственно-культурной жизни не въ совершенствѣ контроля, а въ совершенствѣ *честности*; если ея не будетъ и вокругъ престола Божія, то зачѣмъ они и деньги? Пусть они расхищаются, если расхищена совѣсть! Это—паденіе церкви, еслибы она мечтала сложной организаціей хозяйства спасти приходскія деньги; это—отказъ ея отъ своихъ специальныхъ средствъ воспитанія совѣсти“ (стр. 329). Значеніе церковнаго хозяйства авторъ понимаетъ слишкомъ узко и одно-сторонне. Участіе всего прихода въ немъ вызывается не столько сомнѣніемъ въ честности старосты и священника,—хотя нельзя не признать, что ничто можетъ быть такъ не воспитываетъ честность, какъ гласность, открытость, все-народность,—а стремленіемъ ввести каждаго члена общины во всѣ области церковной жизни и чрезъ то создать сознательное и свободное единеніе вѣрующихъ. Напрасно такъ пренебрежительно относится авторъ къ этой „низшей и пошлой сторонѣ жизни“. Она даетъ возможность каждому доводить доброе дѣло до конца, т. е. не только жертвовать неизвѣстно куда и на что, но и употребить жертву по евангельскому разумѣнію. Тутъ дѣло не въ счетѣ и провѣркѣ церковныхъ суммъ, а въ устройствѣ школъ, библиотекъ, больницъ, богадѣлень, пріютовъ и подобныхъ заведеній по инициативѣ и съ участіемъ всѣхъ прихожанъ.

Нравственно-практическая дѣятельность прихода по проекту должна содѣйствовать между прочимъ сближенію интеллигенціи и духовенства. „Ожидаемое многими сближеніе такъ называемой интеллигенціи съ духовенствомъ, говоритъ *Церковный Вѣстникъ*, произойдетъ не на почвѣ догматическихъ разсужденій и соглашеній, а на почвѣ общаго добраго дѣла, которое заставитъ ихъ уважать и полюбить другъ друга“. Но и эта надежда *Церковнаго Вѣстника* вызываетъ упрекъ со стороны нашего автора, упрекъ въ „недостаткѣ живого и развитога христіанскаго вѣросознанія“, въ „игнорированіи силы единомышленной христіанской вѣры“ (стр. 179. 175). Кому близки и дороги задачи церкви, говоритъ авторъ, тотъ пойметъ, сколько неправды и малодушія въ этомъ желаніи спрятать свою вѣру и выставить на показъ свои праведныя дѣла. Общеніе церковное есть глубочайшее духовно-нравственное сродство вѣрующихъ и ихъ единство во Христвѣ. Можетъ ли быть такое единеніе у вѣрующаго съ

невѣрующимъ? Единеніе ихъ можетъ быть лишь формальнымъ, дѣловымъ, скучнымъ. Если мы не сойдемся съ интеллигенціей на почвѣ „догматическихъ разсужденій“, то значить совсѣмъ не сойдемся (стр. 176—177). Но авторъ имѣетъ обыкновеніе опровергать иногда и себя самого. Сближеніе на почвѣ „общаго добраго дѣла“, говоритъ онъ, конечно желательно. Конечно на этой почвѣ намъ съ интеллигенціей можно одѣнать другъ друга и научиться взаимному уваженію. Но все ли это? Нѣтъ. Это только начало, только поводъ къ попыткамъ установить полное церковное общеніе и единство (стр. 178). Такимъ образомъ самъ авторъ считаетъ сближеніе на почвѣ общаго добраго дѣла полезнымъ началомъ для полнаго единенія. Могутъ ли послѣ этого относиться упреки автора въ намѣреніи спрятать вѣру, въ „боязни“ догматическихъ разсужденій, въ игнорированіи силы христіанской вѣры и т. д. къ *Церковному Вѣстнику*, который на общее доброе дѣло смотритъ, какъ на начало общенія, какъ на „сближеніе“, ведущее къ полному единенію въ вѣрѣ во Христа.

Но проектируемая приходская организація стремится подчинить церковному сознанію не только практическую дѣятельность прихода, но по возможности всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь каждаго прихожанина. В. Розановъ писалъ: „храмъ для теперешняго христіанина не центръ всей его жизни, а случайно-приходское мѣсто. Человѣкъ здѣсь гость: есть время,—зашелъ, помолился, потомъ пошелъ вонъ“. Храмъ и приходъ у насъ лишь для праздниковъ, а будни мы къ храму непричастны. Авторъ называетъ эти слова безотчетными, сплошнымъ нагроможденіемъ неосновательныхъ и странныхъ сужденій. Онъ находитъ въ этихъ словахъ мысль не о духовно-таинственномъ единеніи вѣрующихъ, а о внѣшнемъ, мірскомъ, общественно-земскомъ единеніи. Мечтающіе о приходѣ, по словамъ автора, существенно жизнью церкви считаютъ не общеніе и единство вѣры, духа и любви между христіанами и торжество этихъ началъ въ жизни, а внѣшнюю шумиху приходскихъ организацій и приходскихъ сходовъ во храмѣ. Они хотятъ, по словамъ автора, превратить домъ молитвы въ „базаръ“ житейской суеты (стр. 185—189). Не знаемъ, много ли имѣетъ нашъ авторъ основаній говорить въ такомъ родѣ о томъ,

чего *хотятъ* мечтающіе о приходѣ. Но то, что они говорятъ, мало совпадаетъ съ тѣмъ, что приписываетъ имъ авторъ, повидимому имѣющій склонность понимать чужія мысли въ дурномъ смыслѣ. Пожеланія мечтателей о приходѣ въ сущности тѣже, что выражаетъ и авторъ. „Когда храмъ будетъ живъ, какъ домъ молитвы, тогда то онъ и будетъ захватывать все бѣльшій и бѣльшій кругъ жизни, тогда то онъ извнутри, чрезъ совѣсти человѣческія, всюду проникнетъ и покорить Христу жизнь міра“ (стр. 189). Самъ авторъ такъ рисуеъ жизнь идеальнаго прихода. „Въ подлинно-церковномъ христіанскомъ приходѣ, гдѣ просвѣщены совѣсти людей Духомъ Божиимъ, царитъ полное и горячее единство душъ и сердець; тамъ нѣтъ бѣдныхъ и одинокихъ; тамъ нѣтъ отчетности и воровства; пошлая сторона жизни сведена до минимума; тамъ нѣтъ „членовъ“, организацій и выборовъ, но всѣ работаютъ во всю полноту своихъ свободныхъ силъ, подчиненныхъ только стремленіямъ христіанской совѣсти, усиліямъ личной воли и указаніямъ развито христіанскаго разумѣнія“ (стр. 331). Авторъ не замѣчаетъ, что въ сущности онъ лишь переводитъ на языкъ идей и образовъ статьи проектируемой организаціи. Онъ не замѣчаетъ того, что безъ этой организаціи его идеаль прихода неосуществимъ. На самомъ дѣлѣ, когда возможна работа во всю полноту свободныхъ силъ, подчиненныхъ лишь совѣсти, усиліямъ воли и личному христіанскому разумѣнію? Единственно при соборной организаціи церковной жизни, открывающей *всѣмъ* вѣрующимъ одинаковый просторъ къ развитію и обнаруженію *всѣхъ* своихъ силъ во *всѣхъ* сферахъ церковной жизни.

Отмѣтивъ и выяснивъ наше несогласіе съ авторомъ по нѣкоторымъ пунктамъ, мы въ заключеніи должны сказать, что раскрытіе идеала христіанской общины, проникнутое глубокоимъ, истинно-евангельскимъ пониманіемъ задачъ церкви, не только продуманное, но и живо прочувствованное авторомъ, составляетъ положительную заслугу свящ. Силина. Можетъ быть болѣе чѣмъ когда либо оно необходимо теперь для предохраненія реформаторовъ отъ увлеченія гражданскими идеалами общества, отъ опасности снизвести церковные идеалы къ правовому строю.

В. Мышцынъ.